

претатора напряженного внимания к художественной специфике памятника и эпохи.

В этой поэзии нарочитых контрастов переплетаются иностранные и туземные корни и книжность великолепно уживается с фольклором. Комментаторы «Слова», в особенности Варвара Павловна Адрианова-Перетц, неоднократно указывали на его связь с устной поэтической традицией. Последовательно сопоставив и разобрав фрагменты легендарной истории князя-оборотня Всеслава, вошедшие в «Слово», в «Повесть временных лет» и в былинку о Волхве Всеславьевиче, мы попытались восстановить лежащий в их основе устный эпос о полоцком князе XI века и далее вскрыть его первоначальное мифологическое ядро (XIб, XVII). За полоцким эпосом и параллельным сербским циклом песен о Змее Огненном Волке, деспоте XV в., вырисовывается сказание о герое сверхъестественного происхождения, наделенном волшебной силой: поочередно и нераздельно князь и волк, победитель и беглец, чудотворный удачник и страдалец. На этом фоне «загадочные символы» и непонятные обороты рассказа про Всеслава в «Слове о полку Игореве» поддаются полной расшифровке, включая оба предикативных творительных падежа 159 «княземъ — влъкомъ» и синтетический образ волкодака: 161 «аще и вѣща душа в друзѣ телѣ, нѣ часто бѣднѣ страдаша». Прежние предположения о сильной порче текста в данном пассаже теряют основание.

Повествование о князе-оборотне вводит нас в круг мифологических образов «Слова». Контрастное сочетание христианских элементов с языческими характерно и для «Слова» и для скальдов именно той же второй половины XII в.; одновременно сказываются схожие тенденции в письменности романского мира и Византии. Как в «Слове» (Див), так и в западной литературе того же времени продолжали жить языческие демоны, а боги выступали в роли человеческих предков и небесных светил (XXI, стр. 57). В XII в. дохристианские воспоминания были достаточно свежи в народной жизни Киевской Руси, чтобы подлинные пережитки старых верований могли просочиться в символику «Слова». Начатая дискуссия о языческих элементах «Слова» будет нами использована в монографии о славянских богах и демонах, публикуемой в серии славистических трудов Американской академии искусств и наук. Экзегеза «Слова» нуждается в раскрытии мифологических намеков и в правильной интерпретации его культовых имен и терминов.

Из многослойной лексики «Слова» наиболее подробному разбору подвергнуты элементы, проникшие в древнерусскую речь из алтайских языков или по крайней мере через их посредство: подведен критический итог прежним исследованиям, и дан ряд новых убедительных этимологий (XIX). В круг этих заимствований вошли половецкие личные имена (Влур, Кза, Кобяк, Кончак, Шарокан), названия тюркских и смежных племен («Половцы» и калька «поле Половецкое», «Олберы», «Ревуги», «Татраны» (?), «Топчаки», «Шелбиры», калька «Толковины» в соответствии с тюркскими «талмач» и «тивер», далее дагестанские «Авары» и «Хинова» — имя гуннов в применении к венграм), названия рек и городов (Псловецкой земли Каяла, Сула, Корсунь, Сурож, Тмутаракань) и термины, живописующие в «Слове» половецкий быт и фон («ортма», «япончица», «тельга», «хоругвь», «чолка» (?), «сабля», «чага», «кощей», «болван», «яруга» и предположительно «ковыль»). Единичные восточные слова появляются в памятнике и вне непосредственной связи с миром кочевников — титулы (боярин, быля, каган), ювелирный термин китайского происхождения (жемчуг) и цветовой эпитет (бусов). Огненный снаряд «шерешир» скорее всего контаминирует половецкое название горючей жидкости